

Умный балет Агриппины Вагановой

Русский курьер — 2004 — 29 июня с. 10.
25 лет со дня рождения основоположницы отечественной балетной педагогики

Подлинная жизнь Вагановой началась в 42 года, хотя сказать, что до того жизни не было, нельзя: именно ее карьера выглядела благополучно. После окончания Петербургского театрального училища поступила в хор балет Мариинского театра, затем постепенно, ступенька за ступенькой, одолела служебную лестницу.

Властительницей дум и покорительницей сердец она никогда не была, но в 36 лет получила звание балерины, что, правда, в том же году не помешало дирекции вывести ее на пенсию. Уделом отставной артистки были редкие выступления по контракту да семейные хлопоты. В конце 1917 года началась череда несчастий. Сначала застрелился муж Агриппины Яковлевны, инженер-путеец, затем новая власть упразднила немалую императорскую пенсию. Надо было выживать самой, ставить на ноги сына-подростка и детей умершей сестры. Номинируясь по частным школам, Ваганова в 1921 году обрел постоянное место работы в собственной alma mater, к тому времени переименованной в Пет-

роградское хореографическое училище. С этого момента начинается и без малого тридцать лет триумфально продолжается ее педагогическая деятельность. Нарботки Вагановой зафиксированы в «Основах классического танца», настольной книге советских педагогов. Кстати, писать книгу помогала Вагановой ее задушевная подруга Любовь Менделеева-Блок. Прекрасная дама русской поэзии уже в зрелые годы стала автором огромного труда о происхождении и технике классического танца, а свои практические знания во многом черпала, безотлучно сидя на вагановских уроках.

Вагановой не повезло чисто по-советски — ее канонизировали еще при жизни. В эпоху, когда в каждом виде деятельности полагалось иметь своего флагамена, Ваганову негласным решением назначили первым лицом отечественной балетной педагогики. С тех пор и повелось считать Агриппину Яковлевну прародительницей знаменитой методики, благодаря которой мы утвердились впереди планеты. Однако четко и внятно определить, что же такое вагановская методика и чем она отличается от прочих, не могут даже те, кто по должности обязан ее сохранять и развивать.

По большому счету каждый стоящий педагог классического танца создает свою методику, и это сплутный товар, не поддающийся тиражированию. Ваганова не была исключением. Ее педагогика принадлежала только ей и с ней же ушла. Она действительно была великим учителем, но не потому, что знала сумму приемов, заставляющих тело быть ловчее. Речь в данном случае может идти о гениальном человеческом да-

ре проникновения в чужое «Я». Ваганова умела увидеть ученицу пронзительно ясно, во всем комплексе недостатков и достоинств, замаскировать худшее, выгащить лучшее и, самое главное, точно объяснить, что именно требуется ей и только ей. Москвичке Майе Плисецкой посчастливилось взять у Вагановой лишь несколько уроков, но для характеристики ее дара она нашла удивительно верные слова (попутно,

правда, уязвив собственную учительницу Елизавету Гердт): «Диагноз она (Гердт) ставила верно, но как лечить, выписать рецепт — ведать не ведала... «Ты висишь на пальке, как белая на веревке», — а что надо делать, чтобы не висеть? Ваганова сказала бы прозаично: «Переложи руку вперед». И балерина, как по мановению волшебства, обрела равновесие. Это называется школой. Простецкой, для постороннего загадочной

фразой можно все поставить на свои места. Вот еще крохотный пример. Ваганова любила говорить: «На весь урок зажми задницей воображаемый пятиалтынный, чтобы он не вывалился». И балерина на всю жизнь училась держать зад собранным, сгруппированным, нерасхлябанным. А отсюда идут правильность осанки, вертлугов, спины...».

Ваганова знала, как выписывать рецепт, каждому свой, главное, чтобы «больной» сам хотел вылечиться. Тупиц и ленивиц она не терпела. Недоброжелатели считали, что она отбирает себе лучших, однако примы, вышедшие из ее класса, были порой далеко не идеальными физически, но всегда индивидуальными и умными. У нее училась Уланова, Дудинская, Семенова, Колпакова, Осипенко — балерины полярно разные во всех проявлениях, кроме одного. Смотреть за тем, что они делают на сцене, как выстраивают роль, как «проговаривают» танец, необычайно интересно даже в тех случаях, когда сама исполнительская манера уже кажется устаревшей. С ученицами Вагановой балет обрел интеллект. Танцевать исключительно по наитию, как Бог на душу положит, после ее педагогики стало неприлично.

